

вынесено на обсуждение восточных православных патриархов, в том числе Константинопольского.

В ответах патриархов и Правилах касательно власти царской и власти церковной, присланных в 1664 году, во-первых, фактически определялись юрисдикция царя в отношении с церковью и пределы царской власти в отношении патриарха. Во-вторых, отсутствовали регламентации патриарха в сфере духовной и, наоборот, определялись права царя, содержались указания, подчинявшие патриарха в гражданских и административно-церковных вопросах решению царя. В-третьих, новые пределы власти царя были ограничены церковно-административными вопросами. В-четвертых, церковь в основном оставалась свободной только в сфере догматов. Фактически в этих документах формулировалось явное превосходство государственной власти над церковной, обосновывалось это божественным правом царя. Это было новое утверждение господства царя и государства над церковью, близкое к тенденциям западного абсолютизма, что вело к прямому искажению принципов «симфонии властей».

Московский Поместный собор 1666 года принял решения по основным вопросам, существенно изменившие взаимоотношения церкви и государства. Восточные патриархи совместно с некоторыми русскими архиереями заявляли о несостоятельности претензий России на преемство наследования православной империи от Византии, в свою очередь воспринявших ее от Рима, таким образом разрушая все обоснования религиозно-политической концепции «Москва — Третий Рим». Они утверждали, что «Русь оказалась хранительницей не чистоты православия, а грубых богослужебных ошибок»¹.

Это была попытка переосмыслить русскую историю, цель которой — превращение православного Русского го-

сударства в обычную монархию, что не соответствовало истинно русской идее. Результатом стали серьезные последствия. Во-первых, не было восстановлено единство русской церкви, напротив, противостояние между правительством и церковными иерархами с одной стороны и сторонниками старообрядцев — с другой еще более усилилось. Во-вторых, внутрицерковный характер борьбы был усугублен тем, что старообрядцы оказались вне церкви. В-третьих, пагубным для единства церкви стало осуждение Стоглавым собором деяний митрополита Макария, а именно защиты русской идеи «Москва — Третий Рим». Таким образом, нарушение взаимного согласия властей явилось следствием указанных причин и легло в основание последовавших коренных преобразований, направленных на еще большее «нарушение симфонии» властей, чем то, которое произошло при Петре I и Екатерине II.

Сегодня, рассуждая о русской истории, можно уверенно говорить о том, что в кризисные периоды российской истории народы всегда делали правильный выбор — в пользу государственной соборности, духовного и государственного единства. Как отмечал И. Снычев, «...лишь восстановив благодатную преемственность русского религиозно-национального самосознания, мы можем рассчитывать на успешное выздоровление. Иного пути нет!»² Современные государственные «нестроения», касающиеся не только России, но и, особенно, Украины, стали следствием нарушения такого государственного устройства, где важнейшую роль в построении верховной власти играла «симфония властей». Это осознается в результате рассмотрения преемственности, причин и последствий ее нарушения. России и Украине предстоит сделать главный выбор и извлечь исторический урок.

В. Н. Лукин³

СОВРЕМЕННЫЕ СТРАТЕГИИ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ: ДИСКУРСЫ КУЛЬТУРНОГО И ГРАЖДАНСКОГО НАЦИОНАЛИЗМА

Соотношение культурного и политического компонентов в структуре национальной идентичности, а также переход от преимущественно культурной к политической идентичности в различных странах имеют свою специфику. Для понимания проблем и рисков трендов к преимущественно культурному или политическому национализму важно учитывать характер и динамику развития структуры национальной идентичности на национальном, региональном и глобальном уровнях.

Трудности европейского тренда к общеевропейской культурной идентичности, формируемой на основе политических идей, норм и стандартов демократической гражданской культуры, объясняются многообразием культурных идентичностей стран, входящих в европейское сообщество, различиями в соотношении культурных и политических компонентов в структуре национальной идентичности этих обществ.

В частности, интегративные процессы, осуществляемые на основе создания общеевропейской гражданской культурной идентичности, затруднены в связи с сохранением в ряде стран достаточно жестких традиционных культурных идентичностей. К такому типу относится, на-

пример, традиционная культурная идентичность германского общества, базирующаяся не столько на глобальных идеях гражданственности, сколько на неполитических и во многом примордиалистских нормах этнического единства и однородности, общности языка и культуры.

Таким образом, структура немецкой идентичности в значительной степени остается комплексом культурного и этнического компонентов, и политическая составляющая в ее динамике играет менее значимую роль. Концепция статуса гражданства в Германии основывается на принципе принадлежности к немецкой расе и культуре⁴.

Ряд исследователей, например Дитмар Скирмер, относят Германию к обществам, в которых национальные аспекты культуры являются определяющим источником национальной идентичности. По его мнению, в Германии культурный национализм выступает предшественником политического национализма. Это означает, что в данной стране политический национализм формируется с опорой не столько на супранациональные идеи демократической гражданской культуры, сколько на понятие культурного национализма.

В Федеративной Республике Германия, в которой периодически пересматриваются системы политических норм и ценностей, культурный национализм выступает

¹ Николин А. Церковь и государство (история правовых отношений). М., 1997. С. 75.

² Митрополит Иоанн (Снычев). Указ. соч. С. 232.

³ Заместитель директора Санкт-Петербургского им. В. Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии, доктор политических наук, профессор.

⁴ Schirmer D. Integration and Fragmentation Discourses : Demanding and Supplying Identity in Diverse Societies // Identity and Intolerance : Nationalism, Racism and Xenophobia in Germany and the United States. Washington, 2003. P. 117.

наиболее стабильным, действенным и единственно надежным стратегическим способом политической легитимации.

Д. Скирмер исходит из наличия в современном дискурсе идентичности в Германии двух основных концепций и соответствующих им политических стратегий общественной интеграции на основе преодоления фрагментированной идентичности. Обе стратегии ориентированы на формирование новой, преимущественно политической (гражданской), идентичности как культурного основания процесса политической консолидации и интеграции.

Правыми (консерваторы и национал-либералы) разрабатывается стратегия формирования политической идентичности как культурной национальной идентичности, основанной на традиционной концепции единой немецкой нации с общей культурной и этнической идентификацией.

Стратегия левых предполагает формирование политической идентичности как гражданской, характеризующейся общей разделяемой всеми системой политических ориентаций, норм и ценностей. Неотъемлемым аспектом данной стратегии является также установка на развертывание системы институтов по поддержанию соответствующих демократических стандартов, их продвижению через механизмы развития гражданского общества¹.

В настоящее время особый интерес представляет оценка эффективности американских дискурсов и стратегий политической (гражданской) идентичности, эффектов их реализации и влияния на процессы интеграции/фрагментации, а также сопряженных с ними рисков.

Достаточно распространенной является трактовка американского дискурса политической идентичности как гражданской религии (Civil Religion), которой в своем исследовании придерживается и Д. Скирмер². Данной концепцией определяется взаимосвязь социальной идентичности как совокупности ценностей, символов, ритуалов и стандартов и их политической институционализации в качестве механизма консолидации и интеграции общества.

Тип американской национальной идентичности характеризуется как основанный в значительной степени на политических ценностях (Political Values) свободы и демократии, чем на примордиальных установлениях, таких как этническая и культурная гомогенность, общность традиций, языка и др. Основополагающими в совокупности политических ориентаций и ценностей американской идентичности выступают индивидуальная свобода, равные возможности и универсальность американского образа жизни.

Политическая идентичность и сегментация в США, создающие риски консолидации и стабильности в обществе, структурируются сложным переплетением кливеджей: расовых и этнических (белые — небелые), миграционных (коренные американцы — иммигранты), классовых (высшие слои, средний класс, бедные), поколенческих, религиозных и др. Структура американского типа политической (гражданской) идентичности, отличающаяся относительно менее развитыми, чем гражданская, культурной и этнической составляющими, не обеспечивала преодоления многочисленных кливеджей.

Традиционные дискурсы и стратегии формирования американского типа политической идентичности предусматривали преодоление этих «разломов» за счет прове-

дения политики обеспечения прав человека и равенства граждан, соответствующей институционализации данной нормативной ценности.

В настоящее время стали очевидны недостаточность политики обеспечения правового равенства (Legal Equality) и необходимость перехода к проведению политики обеспечения социального равенства (Social Equality) для снижения рисков, структурируемых сложившимися в американском обществе многочисленными кливеджами.

Современные дискурсы политической идентичности и общественной интеграции определяют необходимость изменения стратегии формирования идентичности, которая предусматривает переход к новому этапу политики прав человека — политике позитивного действия (Affirmative Action).

Концепция позитивного действия как основа политики по преодолению дискриминации соответствующих социальных групп и предоставлению им равных возможностей самореализации имеет непосредственное отношение к дискурсу идентичности (как национальной, так и социальной).

Помимо концепции равенства (Equality), второй составляющей современного дискурса и стратегии политической идентичности в США выступает концепция многообразия культур (Diversity), или мультикультурализма (Multiculturalism).

В отличие от традиционного дискурса и стратегии синтеза культур (Cultural Synthesis), нашедших отражение в представлении о США как о «правильном котле» различных культурных идентичностей, дискурс мультикультурализма в большей мере отвечает реалиям фрагментированного американского общества.

Компаративный анализ современных дискурсов культурного (Германия) и гражданского (США) национализма и соответствующих им стратегий общественно-политической интеграции, проведенный Д. Скирмером, позволил выявить в качестве общих тенденций глобального развития переход от классовых к культурным кливеджам. Последние, по мнению ряда аналитиков, выступают детерминирующими факторами социального и политического развития в условиях глобализации³. Во-вторых, общим трендом, определяющим специфику дискурсов, концептуальных подходов и стратегий в этих и других развитых странах, выступает постмодернизм и связанные с ним идеи постиндустриального общества.

В рамках постмодернизма и соответствующих ему теоретических подходов (постструктурализм) выдвигаются и разрабатываются политические концепции гражданского общества, мультикультурализма и другие, являющиеся основой многообразных национальных, региональных, а в ряде случаев и глобальных стратегий развития. В условиях глобализации концепция культурных кливеджей становится доминирующей категорией политического анализа.

Согласно теории Р. Инглехарта⁴, отличительной чертой перехода к культурным кливеджам стало возникновение постматериалистической системы ценностей, создавшей условия для развертывания разнообразных политических движений (зеленые и др.), а также политических стратегий, разрабатываемых в рамках концепций мультикультурализма, гражданского общества.

Источником культурных кливеджей является материалистическая система ценностей, определяющая сохранение в структуре идентичности традиционных (религиозных ценностей и этнических паттернов) ценностных

¹ Schirmer D. Op. cit. P. 125.

² Bellah R. N. Civil Religion in America // Daedalus. 1967. № 96. P. 1–21; Gebhardt J. Politische Kultur und Zivilreligion // Politische Kultur in Deutschland: Bilanz und Perspektiven der Forschung. Opladen, 1987. P. 49–60; Zelinsky W. Nation into State: the Shifting Symbolic Foundations of American Nationalism. Chapel Hill, 1988. P. 232–245.

³ Schirmer D. Op. cit. P. 129; Huntington S. The Clash of Civilizations? // Foreign Affairs. 1993. Vol. 72. № 3. P. 22–49.

⁴ Inglehart R. The Silent Revolution: Changing Values and Political Styles among Western Publics. Princeton, 1976.

ориентаций. В условиях глобализации, как отмечают аналитики, определяющим является конфликт ценностей (Value Conflict)¹.

Изменение структуры кливиджей в современном мире сопоставляется с динамикой диалектически связанных тенденций фрагментации и интеграции. В условиях глобализации нарастают потребности в сохранении культурных и этнических особенностей и соответственно культурной и этнической идентичности как механизмов защиты от стремительного движения к гомогенному (однородному) миру.

Именно этими явлениями во многом объясняется столкновение в условиях глобализации отдельных этнических и культурных групп на мировом уровне. С ними также связаны процессы фрагментации и сегментации на национальном и локальном уровнях развитых обществ, создающих риски активизации терроризма².

Американская стратегия диверсификации означает отход от идеи синтеза культур на основе культурной ассимиляции меньшинств в направлении гражданской идентификации и продвижение идеи сосуществования разнообразных культур.

Немецкий дискурс гражданского общества и разрабатываемые в его рамках стратегии сосредоточены на утверждении нормативных основ демократии и вытеснении культурно-этнической (во многом расистской) концепции национальной идентичности гражданской идентичностью.

Немецкую концепцию национальной идентичности и гражданства можно отнести к домодернистскому типу (Premodern), в то время как американский дискурс — к классическому модернистскому (Modern).

Американский дискурс диверсификации и мультикультурализма — движение от модернизма к постмодернизму. Ориентация на мультикультурализм связывается в данной трактовке с рисками разрушения общей гражданской идентичности и усиления партикуляризма и многообразных культурных, а также этнических ценностей меньшинств, что интерпретируется как тенденция, противоположная прогрессу.

Асинхронность дискурсов выражается также в том, что немецкий дискурс ориентирован на сохранение в структуре идентичности культурного и этнического компонентов как основы ее однородности (Homogeneity). Соответственно основной угрозой национальной идентичности в Германии выступает фрагментация. Американ-

ский дискурс, напротив, предполагает диверсификацию (Heterogeneity) как предпосылку и основу дальнейшей интеграции.

Сходство обоих дискурсов состоит в том, что они отражают реакцию на прекращение воспроизводства макроуровневых политических и культурных отношений в данных обществах. Снижение интегративного потенциала политической системы имеет следствием активизацию поиска как такового в сфере культуры. Оба дискурса ориентированы на выявление такой системы норм и ценностей, которая способствовала бы поддержанию сосуществования различных групп и идентичностей, с одной стороны, и обеспечивала бы лояльность и поддержку системы — с другой. Дискурсы и стратегии формирования гражданского общества в Германии и диверсификации в США (мультикультурализма) являются ответом на риски глобализации и фрагментации, направленным на предотвращение экстремизма, сепаратизма и националистического терроризма.

Преобладание институциональной линии в политике европейского культурного национализма и неразработанность его культурной, а также во многом гражданской составляющих не позволили обеспечить эффективность европейской интеграции. Транснациональная модель европейского культурного национализма предстает составной частью общего интеграционного проекта, но продолжает уступать институциональной составляющей европейской интеграции. Вместе с тем опыт реализации этой стратегии показывает, что культура предстает определяющим фактором формируемой европейской идентичности, обеспечивающим легитимность создаваемой институциональной системы и демократическую безопасность в регионе. Проблема разработки эффективной инновационной политики остается ключевым элементом моделей и стратегий преодоления «дефицита демократии» в условиях глобализации для стран рассматриваемого региона.

Анализ стратегий культурного национализма США, Германии показывает, что соотношение культурного и политического компонентов в структуре национальной идентичности, а также приоритетность культурной или политической идентичности в политике различных стран имеют свою специфику. Для понимания проблем и рисков реализации преимущественно культурного или политического национализма важно учитывать характер и динамику развития структуры национальной идентичности на национальном, региональном и глобальном уровнях.

М. А. Мануильский³

РОССИЯ: ГЛОБАЛЬНЫЕ И МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ ИДЕНТИЧНОСТИ (По материалам эмпирических исследований)

Цивилизационно-культурный статус России и его оценка разными социальными субъектами и группами многопланова и многогранна. Представители властных и силовых структур, интеллектуалы, художественная интеллигенция, религиозные деятели, а главное — многочисленные «обыватели градские» могут быть близки в понимании сверхзадач развития страны и в то же время принципиально расходятся в видении путей и методов их решения. В данной статье представлена попытка анализа

результатов проведенных недавно эмпирических исследований (общероссийского и региональных), посвященных образу России, в том числе его этнокультурному срезу.

Так, недавно опрошенные (по всероссийской выборке) представители политической, интеллектуальной и творческой элиты⁴ единодушно оценили роль и место России в мире: 46,6 % считают, что она должна быть одним из мировых лидеров в многополярном мире; 25,7 % полагают, что в России можно создать процветающее общество, которое станет примером для других; 23 % уверены,

¹ Shamir M., Shamir J. Competing Values in Public Opinion: A Conjoint Analysis // Political Behavior. 1995. Vol. 17. № 1. P. 107–133; Мусиенко Т. В. Микрополитика в современном мире. СПб., 2003. С. 423–433.

² Schirmer D. Op. cit. P. 129.

³ Заместитель главного редактора журнала «Человек», старший научный сотрудник Института социологии РАН (Москва), кандидат философских наук.

⁴ Опрошены 386 представителей политической и культурной элиты, силовых структур, научной и творческой интеллигенции, проживающих в мегаполисах и крупных городах — областных, краевых и республиканских центрах, всего в 30 регионах страны. (Подробнее см.: Бокв М. Б. Самовоспроизводящийся дух миссионерства // Человек. 2008. № 6. С. 43–54.)